

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.488-498>

УДК 94(47).031

EDN: AVVEZL

О ТЕРМИНЕ «ТАТАРИН» / «ТАТАРЫ» В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ XV–XVI ВВ.

М.В. Моисеев

Институт российской истории Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

maksi-moisee@yandex.ru

Резюме. Цель исследования: изучение использования слова «татарин»/ «татары» в русских письменных источниках.

Материалы исследования. Работа построена на анализе посольских книг, летописей, церковных произведений, записок иностранцев. Так же в работе используются наблюдения А.О. Амеликина и В.Н. Рудакова о стратегиях описания монголо-татар русскими книжниками.

Результаты и научная новизна. В ходе исследования были выявлено несколько хронологических пластов в использовании термина «татары». Само появление его было вызвано осмыслением трагедии нашествия неизвестного народа и поражением русских княжеств. Осмысливались эти события в эсхатологическом ключе, а сами народы, пришедшие с Батыем и получившие название «татары», воспринимались как наказание за грехи. Затем эсхатологическая напряженность термина «татары» постепенно снижалась, а после принятия Золотой Ордой ислама, ее население стало определяться как «бесермены» и «агаряне». Последний термин имел четко выраженную негативную окраску. Термин «татары» приобрел более нейтральное значение и продолжал использоваться в канцелярской практике. После обретения полного государственного суверенитета русские интеллектуалы и служащие великокняжеской канцелярии стали его использовать скорее как термин позволяющий описывать народы, говорящие на близкородственных тюркских языках. В итоге, термин «татары» стал способом некоего классификационного обобщения. Примечательно, что «ногаи» поначалу несколько обескуражили московскую канцелярию. Им не сразу нашли место в этой классификации. Вызвано это было, по всей видимости, тем обстоятельством, что это был новый игрок на политической карте тогдашнего мира. Позднее же, выявив черты сближавшие «ногаев» с «татарами», приказные деятели стали и на «ногаев» распространять термин «татары».

Ключевые слова: татары, ногаи, бесермены, агаряне, Золотая Орда, Казанское ханство, Крымское ханство, Ногайская Орда

© Моисеев М.В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Моисеев М.В. О термине «татарин» / «татары» в русских источниках XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 488–498. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.488-498> EDN: AVVEZL

ON THE TERM «TATAR» / «TATARS» IN RUSSIAN SOURCES OF THE 15th–16th CENTURIES

M.V. Moiseev

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
maks-moisev@yandex.ru*

Abstract. Research objectives: To study the use of the word “Tatar”/“Tatars” in Russian written sources of the 15th and 16th centuries.

Research materials: This work is based on an analysis of embassy books, chronicles, church writings, and notes recorded by foreigners. The work also uses the observations of A.O. Amelkin and V.N. Rudakov on the strategies employed in describing the Mongol-Tatars by Russian scribes.

Results and scientific novelty: The study revealed several chronological layers in the use of the term “Tatars”. Its very appearance was caused by understanding the tragedy of the invasion of an unknown people and the defeat of the Russian principalities. These events were interpreted in an eschatological way, and the peoples themselves, who came with Batu and were called “Tatars”, were perceived as punishment for the local people’s sins. Then the eschatological tension surrounding the term “Tatars” gradually decreased, and after the adoption of Islam by the Horde, its population began to be defined as “Besermen” and “Hagarites”. The latter term had a pronounced negative connotation. The term “Tatars” acquired a more neutral meaning and continued to be used in clerical practice. After gaining full state sovereignty, Russia’s intellectuals and employees of the Grand Ducal chancellery began to use it more as a term to describe peoples who spoke closely related Turkic languages. As a result, the term “Tatars” became a way of classifying with a generalization. It is noteworthy that the Nogai initially somewhat discouraged the Moscow chancellery in its usage. They did not immediately find a place in this classification. This was probably caused by the fact that they were a new player on the political map of the world at that time. Later, having identified the features that brought “Nogai” closer to “Tatars,” the officials began to extend the term “Tatars” to the “Nogai”.

Keywords: Tatars, Nogai, Besermen, Agarians, Golden Horde, Kazan Khanate, Crimean Khanate, Nogai Horde

For citation: Moiseev M.V. On the term “Tatar”/“Tatars” in Russian sources of the 15th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 3, pp. 488–498. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-3.488-498> (In Russian)

Впервые в русских текстах слово «татары» фигурирует при описании появления загадочного народа в летописной статье «лета 6731» Лаврентьевской летописи: «...явишася языци их же никтоже добрѣ ясно не вѣсть кто суть и ѿколѣ изидоша и что языкъ ихъ и которого племени суть и что вѣра ихъ; и зовуть я Татары а инии глаголють Таумены, а друзии Печенѣзи инии глаголють яко се суть о них же Мефодии Патомьскыи епископ свѣдѣтельствуе

яко си суть ишли ис пустыни Етриевьскы суще межю востокомы сѣвером такобо Мефодии рече яко къ скончанью времянь явится тѣм...» [11, с. 189]¹. Уже при описании вторжения летописец определился с наименованием пришедшего народа – напали на русскую землю «татары»/«татарове» [11, с. 196–201]. Татары – это не только народ, но и земля, страна. Так, после нашествия русские князья едут «в Татары к Батыеву» или приезжают из «Татар от Канович» [11, с. 201–203, 207]. Но уже в статье 6792-го пишут при определении страны – «орда» («ехати в орду») [11, с. 207], впрочем, это не означало кардинальной смены описательной стратегии, так как летописцы использовали «орда» и «Татары» как полноправные синонимы при назывании этой новой для русских страны [11, с. 208].

Все это свидетельствовало о шокированности происходящим древнерусских книжников и о том, что они так и не сумели идентифицировать новый народ. Владимир Рудаков совершенно справедливо пишет, что «...необходимость ссылок на Мефодия Патарского ...объясняется полной неосведомленностью книжников относительно монголо-татар» [20, с. 27].

В дальнейшем в русской практике мы можем увидеть следующую закономерность. Население Золотой Орды всегда определяется как «*татары*», но служебная группа, обслуживающая эти отношения и в которой были татары, всегда определяют как «*ордынцы*». Стоит отметить, что эта служебная группа еще досконально не изучена. В историографии бытуют разные представления о ней, ее происхождении, составе и функционале. В.И. Сергеевич и С.Б. Веселовский полагали, что ордынцы обслуживали должностных лиц, приезжавших из Орды [23, с. 302–306; 3, с. 210]. С.Б. Веселовский полагал, что ордынцы, числяки и делюи были тяглыми людьми и размещались на юге Московского края [4, с. 13–14]. В.Е. Сыроечковский и Л.В. Черепнин утверждали, что они возили дань в Орду [25, с. 87; 28, с. 35–352]. В.А. Кучкин не сводил функционал ордынцев к чему-то одному и полагал, что они занимались обслуживанием поездок князей в Орду, отвечали за доставку дани в Орду, охраняли путешественников и пересыльчиков и изготовливали подарки ханам и их окружению [9, с. 72]. А.А. Горский показал, что служебная категория ордынцев возникла в 1340-х гг. и отвечала за обслуживание ордынских послов, делюи же фигурировавшие в русских документах, имели тот же функционал, что и ордынцы, но подчинялись не московским, серпуховским князьям [7, с. 177]. Дальнейшая судьба этой служебной группы была проанализирована И.В. Зайцевым. Именно ему принадлежит приоритет в выделении географии размещения этой группы населения на территории Великого Московского княжества, персональный состав и изучения биографий наиболее выдающихся ее представителей [8, с. 36–72]².

В случае с *ордынцами* очень любопытна именно эта стратегия различения. Она существовала довольно долго, но с конца XV века происходит новое изменение. Теперь термин «ордынец» постепенно перестает употребляться, но появляется новый термин – великокняжеские татары. Изменения эти фиксируются в первую очередь в делопроизводственной практике. На-

¹ Сходное описание можно встретить и в Троицкой летописи см.: [19, с. 307].

² Приведу ряд работ, в которых анализируются служебные биографии некоторых ордынцев и их потомков в XVI – начале XVII вв.: [2, с. 886–901; 10, с. 89–96].

верное, самое раннее упоминание это сведения о посылке в Крымское ханство к Джанибеку гонца Темеша, который определен как «татарин» [22, с. 13], а под 1481 г. фиксируется, что грамота была написана «татарским писмом» [22, с. 28]. Под 1482 г. великокняжеские гонцы вновь названы в посольских книгах татарами [22, с. 34], в 1486 г. термин «татары» используется для описания подданных ханов Большой Орды («ординские татары») и великокняжеских гонцов [22, с. 53–54]. Под этим же годом в «крымской» посольской книге мы наконец встречаем полное определение: «великого князя татары» [22, с. 54]. С этого момента такое определение становится более-менее регулярным³, хотя чаще их просто называли «татарами». При беглом знакомстве с посольскими книгами рубежа XV–XVI вв. может сложиться впечатление, что «татары» – это термин, которым определяют великокняжеских гонцов, бывших ордынцев, но это не так. Татарами называют и выходцев из Большой Орды, а также и подданных крымского хана. Так, сообщая об ограблении русских купцов, великий князь пишет: «а гости наши шли из твоее Орды, Степан Васильев сын с товарищи; и пришед на них Татарове на Донце усть Оскола, да их перебили и переграбили. А слух наш таков, что деи тех наших гостей твои ж люди грабили» [22, с. 79].

Любопытно, что, описывая первое ногайское посольство и все события вокруг него, в «ногайской» посольской книге пишут о «ногайском после», а термин «татарин» используют для определения подданного казанского хана Мухаммед-Эмина, а хан Ибак называет себя «бесерменским государем» [22, с. 81, 87]. В 1490 г. в русско-ногайской посольской документации ногаи вновь не называются татарами, татарин – это великокняжеский гонец, но – грамоты написаны «татарским писмом» [22, 90]! Это исключение, сделанное для ногаев, представляется важным для нашего исследования, дело в том, что в посольских книгах этого периода «татарами» называют и жителей Казанского ханства, и Большой Орды, и Крымского ханства [22, с. 117–118], а письмо их всех, включая ногаев, называется «татарским». Проверим насколько оно было устойчивым для посольских книг рубежа XV–XVI вв. Сплошной просмотр позволил выявить, что впервые в этом виде документов ногаев называли «ногайскими татарами» в «крымской» посольской книге под 1503 г. [22, с. 477].

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что для русской посольской документации термин «татарин» был привычным способом описания для всех постордынских обществ, хотя в случае с ногаями дьяки и подьячие великого князя и выдержали некоторую паузу. Любопытно, какие стратегии описания этнополитических реалий на пространствах распадавшейся Золотой Орды избирали авторы других источников?

В сборнике грамот митрополичьей канцелярии в формулярном изводе послания митрополита Московского и всея Руси Филиппа великому князю Ивану III, отправлявшему в поход на Казань население Казанского ханства определялось как «агаряне» [21, с. 189]. В послании архиепископа ростовского Вассиана Рыло великому князю Ивану III используются следующие эпитеты: «безсермены»/ «безсерменству», «окаянные сыроядцы», а вот «татары» упоминаются лишь единожды [12, с. 204–207, 210–211, 212]. Хотя, в це-

³ Например, в 1487, 1489, 1490, 1493, 1502, 1503 г. См.: [22, с. 61, 77, 100, 193, 444, 472].

лом, для официальной летописи характерно использовать именно «татары». Однако ногаи выступают как самостоятельное название для этого народа и в XVI веке [12, с. 217, 254]. При описании событий в Астрахани в 1523 г. в Типографской летописи «ногаи» отличаются от «татар»: «Того же мѣсяца прииде вѣсть великому князю, что царь Крымскый Ахмут Кирей з детми пошел на Астѣтархансково царя, и тамо воста на него его же князи Нагайские, Мамай с племянникида и с старыми Ординци⁴, и убиша его з дѣтми. И оттолѣ Мамай поидоша в Крым и Крым повоева и многих Татар плениша» [14, с. 221–222]. Определеннее это различие проводится в тексте Владимирского летописца об этих событиях: «Того же лѣта царь Ахмут Кирии Крымскы и Азтороханъ взял, и там на него стал князь Мамай и уби царя Ахмута-Кириа и сына его Богатыря Салтана. А тот князь Мамай у того же царя служил, убил государя своего, а родом князь Нагайский. И поспѣ к нему брат его Агишъ с Нагайскою силою и много князей побил Татарских и шол в Крым Агиш и Мамай и поплени весь Крым, а городов ни единого не взял» [15, с. 146]. Такое же различие можно заметить и при анализе текстов Никонской летописи о событиях 1521 и 1523 гг. [13, с. 38, 43].

Любопытно, но в рамках дипломатической переписки иногда термин «татары» используется в смысле подчиненного населения. Именно такое понимание выражено в послании бия Исмаила в 1555 г.: «А взмолвишь же, что Астрахани без царя и без татар быти нелзѣ, и ты Каибуллу царевича, царем учинив, одново отпусти. А похочешь татар, ино татар мы добудем, татарове от нас буди» [17, с. 203]. Жалуясь на самоуправство Ивана Черемисинова, Исмаил в 1557 г. писал следующее: «И Иван Черемисинов не отдает, и наши улусы оголодали и озлыдали, и тѣх наших людей татар емлет же» [17, с. 259]. Или, например, вот так: «А которые попали в Астрахань наш татарской полон, и он их продавал многих во многие земли» [17, с. 326]. Между тем в переписке встречается и определение ногаев, как татар. Например, в одной из грамот царя Ивана IV Васильевича бию Урусу в 1579 г.: «и ваших нагайских татар с своими грамотами наскоро для воинских людей»⁵. Можно встретить и такое словупотребление: «челаирского роду пятнатцать душ татарского полону з улусов взяли моих людей»⁶, – писал Урус Ивану Грозному в 1581 г. Примечательно, что титул Уруса русские переводчики перевели следующим образом: «...мангытцково государя Уруса князя...»⁷. В грамоте царя Ивана IV Васильевича сентября 1581 г. встречаем довольно интересное определение одного из берегов реки Волги: «А которые мурзы и люди ваши кочуют на крымской стороне, и вы б их взяли к себе на Волгу, на татарскую сторону»⁸. Как правило восточная сторона Волги называлась Ногайской, а западная крымской, но в данном случае вместо привычного определения «ногайская сторона» используется «татарский». Здесь мы встречаем неожиданную оппозицию крымский/татарский. Сложно сказать, что в это различие вкладывали в русской

⁴ Упоминание «старых Ординцов» может служить свидетельством в пользу того, что русские книжки еще в первой трети XVI в. отождествляли астраханцев с населением Большой Орды.

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 391 об.

⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 7 об.

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 86 об.

⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 164 об.

канцелярии, но сам его факт примечателен. Не исключено, что «татарский» в этом случае был синонимом «ногайский», во всяком случае в это время все чаще мы встречаем использование такого определения: «ваших нагайских татар воинских»⁹. В 1580-х гг. заметны определенные новации в работе царской канцелярии и переводчиков. Теперь при переводах ногайских грамот мы можем встретить такое название их орды: «Нагайская Орда», но при этом «ваших татар»¹⁰ или «Ур-Магметмурзиных татар воинских»¹¹ или «нагайские татарове»¹². Это особенно заметно при сравнении с более ранними документами. Так, страну чаще называли в русских грамотах не Ногайская Орда, а «Нагаи» [16, с. 321; 17, с. 153], а ее жителей «нагайскими людьми» [16, с. 325; 17, с. 153, 260] или просто «нагаи» [17, с. 133, 328]. В посольской книге по связям с Ногайской Ордой 1576 г. мы встречаем название страны «Нагайскую Орду» [18, с. 32]¹³, населяют же ее «нагайские люди» или «нагаи»¹⁴. В целом, при сплошном анализе материалов русско-ногайской дипломатической переписки выясняется, что в русской канцелярской практике отождествление ногаев и татар в течение XVI века довольно редкая практика, но и при этом нельзя сказать, что был какой-то запрет на это. Нет, в документах мы встречаем и «ногайские татары» и просто «татары», когда принадлежность их к ногаям несомненна. Поэтому стоит предполагать, что все эти словоупотребления были связаны с избранными переводческими и риторическими стратегиями. В.В. Трепавлов в одной из своих работ показал, что в оригиналах ногайских посланий, сохранившихся в материалах Посольского приказа, этноним «татары» отсутствует. Появляется он в русских переводах, что можно считать результатом переводческой интерпретации [27, с. 638–639]. В рамках переводческих практик термин «татары» выходил за рамки просто этнонима. Так, в 1644 г. переводчик словом татары перевел тюркское «кулум» («мой слуга») [27, с. 639]. Очевидно, что и ряде случаев, приведенных выше, когда бий Исмаил в 1555 г. обещал заселить Астрахань татарами или когда он же в 1557 г. жаловался на Ивана Черемисинова, который сводил татар из его улусов, в оригинале грамот использовалось не «татары», а «кулум».

Для высокой риторики церковных текстов характерно использование при описании постордынского пространства таких терминов как «агаряне» и «бесермене». Для посольского дискурса использование довольно редко, хотя и встречается. Используется оно всегда для обозначения конфессиональной принадлежности, классический пример, это в послании царя Ивана Грозного Исмаилу в 1563 г.: «А мы, господари крестьянские, а то люди бесерменские»¹⁵. Примечательно упоминание термина «бесермен» Сигизмундом Герберштейном: «если их называют турками, они бывают недовольны, почитая это за бесчестье. Название же «бесермены» их радует, а этим именем любят себя называть и турки» [5, с. 397]. То есть имперский посол фиксирует предпочтительность для татар идентификации, как «бесермен»/ «бусурма-

⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 268об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 275об.

¹¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 279, 279об., 280, 284.

¹² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 285.

¹³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 86, 86об., 89.

¹⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 45, 54, 92.

¹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 184.

нин». Из памятников дипломатической переписки мы можем сделать заключение, что это было и предпочтительно и в случаях самоидентификации. В данном случае мы имеем дело с определением конфессиональной принадлежности: «бесермен»=«мусульманин» [24, стб. 71, 72; 26, с. 85]¹⁶. Термин «агаряне» характерен для высокой церковной риторики и не нес «конкретного национального признака». Это слово имело, в отличие от «бесермена», отрицательные коннотации и означало врага праведной веры [1, с. 77]. Естественно, в дипломатической переписке с Крымским ханством и Ногайской Ордой такое определение не использовалось, так как в отличие от «бесермена» имело ярко окрашенное негативное значение.

Наиболее распространенным для приказной практики стало слово «татарин». Именно оно активно использовалось и в дипломатическом делопроизводстве. В.В. Трепавлов отмечал, что «во многих случаях в оригиналах отсутствует этноним «татары» и в русских переводах он «является и представляет собой результат интерпретации содержания послания приказными переводчиками» [27, с. 638–639]. Исследователь объяснял это упрощенной этнополитической картиной мира, которая сложилась в головах русских чиновников XVI–XVII вв. Далее автор приходит к выводу, что в тюркской практике в это время произошел смысловой переход в рамках которого также стал использоваться этноним «татары» вместо этнонима «монголы». Аналогичное явление было свойственно и канцелярии Великого княжества Литовского [27, с. 640–641].

Итак, можно заметить, что в рамках русской книжной и делопроизводственной культуры характерны несколько описательных стратегий, которые использовались для определения населения Золотой Орды и постордынских сообществ. Сам термин «татары»/«татарин» появился в ходе осмысления событий сражения на Калке и монгольского вторжения и был напрямую связан с эсхатологическими переживаниями. Этот термин был усвоен русской культурой, прижился и стал основным для наименования народа Золотой Орды. Распад Орды стал своеобразным вызовом для русских с точки зрения анализа происшедших событий. Логика событий, казалось бы, должна привести к появлению новых политонимов. Однако это если и произошло, то произошло лишь частично. Теперь используются термины: «ординцы», «крымцы», «казанцы», но все-таки и в летописании, и в делопроизводственной практике эти политонимы не отменили использование термина «татары», а напротив, они использовались, во-первых, как «этническое»¹⁷ уточнение, а во-вторых, сохранялось самостоятельное употребление термина «татарин». В рамках этих наблюдений весьма примечательно, что «ногаи» довольно часто употреблялось без определяющего «татары». Это позволяет допустить, что ногаи воспринимались в русской культуре, как народ несколько отличный от «татар». Однако

¹⁶ М.А. Усманов при комментировании этого сообщения Герберштейна пишет, что «бусурмане» – «значит безбожники, антихристы» См.: [6, с. 443 прим. 702]. Однако такая трактовка вызывает возражение. Вряд ли бы такое слово пользовалось бы таким почтением в самой татарской среде. Очевидно, что эти негативные коннотации это слово приобрело позднее в народной культуре, когда в высокой культуре XVI в. оно скорее имело нейтральное значение, просто определявшее конфессиональную принадлежность.

¹⁷ Здесь этническое понимается как некая условность, так как сейчас нет однозначного понимания являлся ли термин «татарин» этнонимом или соционимом.

это разграничение не было жестким, так как тенденция к сближению ногаев с татарами наблюдается в русских текстах довольно часто. Отмеченное В.В. Трепавловым замещение этнонима «монголы» на «татары» и превращение его в главный термин для описания тюркоязычных народов бывшей Золотой Орды произошло во всей постордынской ойкумене и, следовательно, вряд ли могло быть связано только лишь с упрощенной картиной мира московских приказных деятелей. Можно полагать, что связано это было с тем, что восточноевропейские интеллектуалы с самого начала пришедшие с Батыем народы называли «татарами» и «монголы» для них не играли роль описательного термина. Если в то время это был в первую очередь не этноним реального народа, а название для сил пришедших покарать грешников и был связан с эсхатологическими переживаниями, то позднее он приобрел черты термина, с помощью которого описывались народы говорящих на близкородственных тюркских языках. Именно это последнее обстоятельство и позволило канцеляристам XVI–XVII вв. использовать термин «татары» как способ некоего классификационного обобщения. Примечательно, что «ногаи» поначалу несколько обескуражили московскую канцелярию. Им не сразу нашли место в этой классификации. Вызвано это было, по всей видимости, тем обстоятельством, что это был новый игрок на политической карте тогдашнего мира. Позднее же, выявив черты сближавшие «ногаев» с «татарами», приказные деятели стали и на «ногаев» распространять термин «татары».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амелькин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV–первой половины XVI вв. (по материалам памятников агиографии и фольклора). Воронеж: Научная книга, 2008. 250 с.
2. Беляков А.В. Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021, № 3. С. 886–901.
3. Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. 496 с.
4. Веселовский С.Б. Подмоскowie в древности // Веселовский С. Б. Московское государство XV–XVII вв. Из научного наследия. М.: АИРО–XXI, 2008. С. 11–73.
5. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2018. Т. I. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. 776 с.
6. Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. II: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. 656 с.
7. Горский А.А. Московские «ордынцы» и «делюи» // Вертоград многоцветный: сб. к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 173–178.
8. Зайцев И.В. Великокняжеские татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Вып. 1. Челябинск, 2022. С. 36–72.
9. История Москвы с древнейших времен до наших дней в 3 томах. М.: Издательство объединения Мосгорархив, 1997. Т. 1. 432 с.

10. Моисеев М.В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии // *Studia historica Europae Orientalis*=Исследования по истории Восточной Европы. Минск: РИВШ, 2020. Вып. 13. С. 89–96.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1846. 267 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Петроград: 2-я Государственная типография. Галерная, 1, 1921. 272 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). М.: Наука, 1965. 239 с.
16. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. 356 с.
17. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / сост.: Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татарское кн. изд-во, 2006. 391 с.
18. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). / Подготовка к печати, введение и комментарии В.В. Трепавлова. М. Институт российской истории, 2003. 93 с.
19. Присёлков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
20. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
21. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М.: Языки славянских культур, 2008. 552 с.
22. Сборники императорского русского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. 642 с.
23. Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1909. Т. 1. 688 с.
24. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1890–1912, 1893. Т. 1.
25. Сыроечковский В.Е. Гости-сuroжане. М.-Л.: ОГИЗ, 1935. 126 с.
26. Тихомиров М.Н. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М.: Наука, 1973. С. 84–90.
27. Трепавлов В.В. Переводы этнонимов в российской коммуникативной практике // Трепавлов В. В. Неизданные работы. М.: Издательский дом «Медина», 2024. С. 638–641.
28. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

REFERENCES

1. Amelkin A.O. The Tatar question in the public consciousness of Russia in the late 15th – first half of the 16th centuries. (based on the materials of the monuments of hagiography and folklore). Voronezh: Nauchnaya kniga, 2008. 250 p. (In Russian)
2. Belyakov A. Serving Tatars in the Diplomatic Service of the Muscovite State: The Baymakov-Rezanov Family. *Quaestio Rossica*. 2021, vol. 9, no. 3, pp. 886–901. (In Russian)

3. Veselovsky S.B. Feudal land ownership in Northeastern Russia. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1947. 496 p. (In Russian)
4. Veselovsky S.B. Moscow region in ancient times. In: Veselovsky S.B. The Moscow state of the 15th – 17th centuries. From the scientific heritage. Moscow: AIRO – XXI, 2008, pp. 11–73. (In Russian)
5. Herberstein C. Notes on Muscovy. In 2 volumes. Edited by A.L. Khoroshkevich. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2018. Vol. 1. Latin and German texts, Russian translations from Latin by A.I. Malein and A.V. Nazarenko, from Early New High German by A.V. Nazarenko. 776 p. (In Russian)
6. Herberstein C. Notes on Muscovy. In 2 volumes. Edited by A. L. Khoroshkevich. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2008. Vol. 2. Articles, commentary, appendices, indexes, maps. 656 p. (In Russian)
7. Gorsky A.A. The Moscow "ordyncy" and "delui". In: Polychrome Vertograd: collection for the 80th anniversary of Boris Nikolaevich Flori. Moscow: Indrik, 2018, pp. 173–178. (In Russian)
8. Zaitsev I.V. The Grand-Princely Tatars in the 15th – first half of the 16th century. and their land ownership in the Moscow region. Historical and genealogical research. In: Serving and yasak-paying people in Russia of the 15th–19th centuries: features of land ownership, class nominations. Iss. 1. Chelyabinsk, 2022, pp. 36–72. (In Russian)
9. The history of Moscow from ancient times to the present day. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo ob"edineniia Mosgorarhiv, 1997. 432 p. (In Russian)
10. Moiseev M.V. The Kadyshhev family of messengers: milestones of official biography. *Studia historica Europae Orientalis*= *Studies on the history of Eastern Europe*. Minsk: RIHE. 2020, Iss. 13, pp. 89–96. (In Russian)
11. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 1. Lavrentievskaya and Troitskaya chronicles. St. Petersburg: Tipografiia Eduarda Pratsa, 1846. 267 p. (In Russian)
12. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 12. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle (Continued). Moscow: Iazyki russkoi kultury, 2000. 272 p. (In Russian)
13. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon chronicle (Continued). Moscow: Iazyki russkoi kultury, 2000. 544 p. (In Russian)
14. The complete collection of Russian chronicles. Vol. 24. Typographic chronicle. St. Petersburg: 2-ia Gosudarstvennaia tipografiia. 1921. 272 p. (In Russian)
15. The Complete collection of Russian chronicles. Vol. 30. Vladimir Chronicler. Novgorodskaya 2 (Archivskaya chronicle). Moscow: Nauka, 1965. 239 p. (In Russian)
16. Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde. 1489–1549. B.A. Keldasov, N.M. Rogozhin, E.E. Lykova, M.P. Lukichev. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 356 p. (In Russian)
17. Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde. 1551–1561. Comp. by D. A. Mustafina, V. V. Trepavlov. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 391 p. (In Russian)
18. The Embassy book on Russia's relations with the Nogai Horde (1576). Preparation for publication, introduction and comments by V.V. Trepavlov. Moscow: Institute of Russian History, 2003. 93 p. (In Russian)
19. Priselkov M.D. Troitskaya chronicle. Reconstruction of the text. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 515 p. (In Russian)
20. Rudakov V.N. The Mongol-Tatars through the eyes of Ancient Russian scribes in the middle of the 13th – 15th centuries. Moscow: Kvadriha, 2009. 248 p. (In Russian)
21. Russian feudal archive of the 14th – first third of the 16th century. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2008. 552 p. (In Russian)
22. Collections of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41. St. Petersburg, 1884. 642 p. (In Russian)

23. Sergeevich V.I. Antiquities of Russian law. Vol. 1. St. Petersburg, 1909. 688 p. (In Russian)
24. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk, 1890–1912, 1893. (In Russian)
25. Syroechkovsky V.E. Surozh Guests. Moscow-Leningrad: OGIZ, 1935. 126 p. (In Russian)
26. Tikhomirov M.N. The “besermen” in Russian sources. In: Tikhomirov M.N. The Russian State 15th–17th centuries. Moscow: Nauka, 1973, pp. 84–90. (In Russian)
27. Trepavlov V.V. Translations of ethnonyms in Russian communicative practice. In: Trepavlov V.V. Unpublished works. Moscow: Medina, 2024, pp. 638–641. (In Russian)
28. Cherepnin L.V. Formation of the Russian centralized state in the 14th–15th centuries. Moscow: Sotsekgiz, 1960. 899 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Владимирович Моисеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksim-moiseev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim V. Moiseev – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0421-8982, ResearcherID: E-1622-2016. E-mail: maksim-moiseev@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 01.04.25

Поступила после рецензирования / Revised 25.05.25

Принята к публикации / Accepted 26.06.25